

УДК 821.161.1

С. К. Севастьянова

Новосибирск, Россия

**ТЕМА РЕВНИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ
В НОВОНАЙДЕННОМ СОЧИНЕНИИ
О ПАТРИАРХЕ НИКОНЕ**

Анализируются полемические приемы писателей раннего периода старообрядчества протопопа Аввакума, попа Никиты Добрынина и других членов «кружка» ревнителей древнего благочестия, которые в конце XVII в. использует анонимный автор новонайденного сочинения о патриархе Никоне для оформления полемической речи патриарха Никона, обращенной к старообрядческим лидерам и их сторонникам. Зооморфные образы (свиньи, собаки, мыши) и сравнения оппонентов с бесноватыми и «лунатиками», характерные для творчества писателей раннего периода старообрядчества, не только украсили полемическую речь патриарха Никона, но и показали единство художественной системы писателей. Автор новонайденного сочинения использовал в обличительном повествовании о первых расколоучителях наиболее востребованные этими же писателями образы и сравнения, заимствуя их на лексическом и фразовом уровнях. Этот стилистический прием имел важную цель – расправиться с идейными оппонентами их же методами.

Ключевые слова: новонайденное сочинение о патриархе Никоне, патриарх Никон, ревнители древнего благочестия, протоп Аввакум, поп Никита Добрынин, единство художественной системы, зооморфные образы и сравнения.

На рубеже 40–50-х годов XVII века будущие идеологи раскола и Никон, впоследствии патриарх Московский, – вместе выступали за проведение церковных преобразований, которые, по их мнению, должны были упорядочить духовную жизнь русского общества. Это сообщество духовных и светских лиц в отечественной историографии с XIX века получило наименование «кружок» ревнителей древнего благочестия, или боголюбцев.

О боголюбцах, связанных нижегородскими корнями [1; 2], существует большое количество исследований, где подробно изучены их программа, деятельность, идеи (Н. Ф. Каптерев, С. А. Зеньковский, С. В. Лобачев, А. С. Лавров,

Севастьянова Светлана Климентьевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, sevask@mail.ru)

Е. Н. Мокшина, Д. Ф. Полознев, В. С. Румянцева и др.) и единство художественной системы, выросшей из определенного стиля эпохи, общих источников и правил творчества [3]. В сохранившихся немногочисленных документах и нарративных источниках раннего периода деятельности «кружка», нет свидетельств о личных взаимоотношениях его членов с Никоном. Тексты же более позднего времени, составленные уже признанными и авторитетными в старообрядческой среде идеологами раскола – бывшими соратниками патриарха, содержат не только негативные, эмоционально окрашенные, высказывания о нем и его репрессивных методах по отношению к прежним единомышленникам, но и образные зарисовки Никона-мучителя, «еретика» и «отступника» от православной веры, предтечи антихриста. Достаточно вспомнить ставшие хрестоматийными зарисовки Аввакума о Никоне [4, с. 22, 141–142, 143]. Несмотря на то что свидетельства Аввакума о нижегородском знакомстве с Никоном вызывают до сих пор сомнения у историков [5, с. 312–313; 6, с. 42], а происхождение многих сведений о патриархе в сочинениях протопопа объясняется тем, что Аввакум мог узнать от других боголюбцев некоторые факты жизни будущего иерарха и впоследствии включить их в свои сочинения [7], эти факты доказывают неприязненное отношение ревнителей к бывшему соратнику уже в начале их взаимоотношений.

Сам же патриарх о товарищах по «кружку» и о былом союзе с ними никогда не писал. Тему боголюбцев, ставших его идейными противниками сразу по восшествии на первосвятительскую кафедру, в своих сочинениях Никон обходил молчанием. Исключением, пожалуй, можно назвать вопрос, заданный им в 1654 г. константинопольскому патриарху Паисию о Павле Коломенском и Иване Неронове, – ответ на него напечатан в «Скрижали»: московский первосвятитель хотел убедиться в правильности проводимой им политики по отношению к врагам Церкви – тем, кто не принял литургическую реформу, и заручиться поддержкой вселенского иерарха [8, л. 411–416]. После оставления патриаршей кафедры в письме к царю Алексею Михайловичу 1662 г. из всех товарищей по «кружку» Никон упомянул лишь Ивана Неронова, активно склонявшего государя к созыву церковного собора для осуждения поступка Никона и открыто обличавшего патриарха с первых дней его избрания, при этом в своих действиях не отличавшегося последовательностью: «Тогда будетъ явно, егда время будетъ, тогда яко нетопыри усмотрятъ свое дѣяние, смущающии ваше преблаженство: крутицкий митрополитъ и епископъ со Иоаномъ Нероновымъ и прочими совѣтники, еже мы имѣемъ у себе непреподобное ихъ написание. О насъ глаголют, яко словомъ клялся не быти патриархомъ, а ихъ клятвы за руками ихъ есть у насъ. А Иоаннъ Нероновъ не невѣсть и твое преблаженство, как в соборной и апостолстѣй церкви клялся предъ всѣмъ собором, о нихъ же клялся» [9, с. 413].

В этой связи интерес представляют высказывания от лица Никона о его идейных противниках в обнаруженном мной анонимном сочинении начала 1690-х гг., инкорпорированном в книгу «Возражение, или Разорение» патриарха Никона на вопросы-ответы Стрешнева-Лигарида¹. Содержание записей позволяет одновременно восполнить пробел в изучении личного отношения патриарха к старообрядческим лидерам и расширить наблюдения Е. К. Ромодановской о тесных литературных связях с Никоном старообрядческих авторов – его будущих идейных противников.

Новонайденное сочинение составлено одновременно от лица анонимного автора и патриарха Никона. В политематическом пространстве текста немало места уделено лидерам старообрядческого движения – «проклятому Аввакуму протопо-

¹ РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 9427. Л. 455–485. Далее ссылки на эту рукопись даются в тексте, в круглых скобках указаны листы.

пу и скверному Никите попу» (л. 460). Несмотря на то, что протопоп Аввакум и суздальский поп Никита Константинович Добрынин не имели при жизни личных контактов, старообрядческие источники конца XVII – начала XVIII в. тоже выделяли их вместе, называли первыми борцами за старую веру, «ревностными обличителями» 60-х гг. XVII в. и причисляли к мученикам [10, с. 514–515]. В самом известном староверческом мартирологе «Виноград Российский», составленном основателем Выговского общежития и историком раскола Семеном Денисов в 30-е гг. XVIII в., им посвящены 4 и 16 главы, где подвиг мученичества каждого из страдальцев за веру высоко превознесен [11, с. 1165, 1219].

Повествование о двух старообрядческих лидерах «и прочии с ними вси такоуи» отличается выраженной обличительной направленностью. Осуждая старообрядческих проповедников, автор обращается к Библии и сравнивает их с Именеем и Александром, которые, как извещал апостол Павел в первом послании Тимофею (1: 20), при помощи своего красноречия распространяли ложные учения во времена ранне-апостольской Церкви (л. 461).

Полемический характер повествования усиливается номинациями «раскольники» (л. 460 об., 461 об.), «отступники» (л. 460 об., 461), «бѣснующиися» (л. 462), «безумные» (л. 461), «противницы святыя Церкви» (л. 460 об., 461 об., 463 об., 464) – они «проповѣданию лютѣ сопротивляются и святыя писания злѣ толкуют» (л. 460). Этот ряд именованных сторонников «старых обрядов» напоминает антистарообрядческие издания московского Печатного двора второй половины XVII в., в которых именно так было принято называть противников церковной реформы [12]. Подобным образом старообрядческие лидеры именуется и в «Дѣянїях, или Постановленїях Московскаго Собора объ исправленїи церковнаго благочинїя и о дѣлах, касающихся раскола» [13, с. 439–510], и в опровержении Паисия Лигарида на челобитную Никиты Добрынина о Скрижали [14, т. 9, с. 13–265], и в «Жезле правления» Симеона Полоцкого. Аввакумом подобные обращения к нему лично и его единомышленникам воспринимались как оскорбительные: «Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во церковь, якоже блядословят о нас никонїяня, нарицают раскольниками и еретиками в лукавом и богомерзком Жезле, а инде и предотечами антихристовыми?» (4, с. 198) – писал протопоп царю Алексею Михайловичу. Ему вторил диакон Федор: «и нарицають своимъ именемъ, раскольниками, и проклинають насъ по страсти своей, а не по правиламъ святыхъ отецъ... Они, никонїяне, раскольниками насъ называютъ точно: зане мы сѣкиры острья о Христѣ Исусѣ, пресѣкаемъ ихъ прелесть и раскалаемъ ю» [14, т. 6, с. 201–203].

Для характеристики полемического поведения защитников «старых обрядов» в анонимном сочинении используются традиционные для средневековой культуры зооморфные образы и сравнения: прием антропо-анималистического параллелизма помогал описывать качества людей, которые своей манерой держаться напоминали тех или иных животных [15, с. 273]. Один из ярких метафорических образов, к которому обращается автор, – хамелеон: «Да не уподобятся сим, иже на новы месяцы бѣснуются, и во всякое время и час измѣняются, и яко хамелеонъ, от цвѣта во цвѣтъ» (л. 460–460 об.). Описание животного заимствовано из книги Дамаскина Студита «Собрание от древних философов о нѣкихъ собствахъ естества животныхъ», переведенной в XVII в. кем-то из окружения инока Чудова монастыря Евфимия [16, с. 154–155]. Примечательно, что в этом произведении, получившем широкое распространение в русской письменности, дано не символично-догматическое толкование, а моралистическое объяснение свойств животных, что скорее всего и вызвало интерес к нему анонимного автора [17, с. 82–91; 18, с. 70–74].

В «бестиарных» сборниках, широко распространенных в древнерусской письменности, не часто можно было прочесть о хамелеоне, однако во второй половине XVII в. отождествление природных качеств этого животного с поведением человека было востребовано барочной культурой [15, с. 274].

Возможно, причиной, обусловившей выбор образа хамелеона для характеристики идейной позиции «раскольников», которая, по мнению анонимного полемиста, не отличается постоянством и последовательностью, послужили конкретные факты биографии некоторых из них. Известно, что на церковном соборе 1666–1667 гг. многие сторонники раскола принесли покаяние [13, с. 447, 452–458; 14, т. 1, с. 109–119, 134, 166, 240–243, 308–320, 344–352, 385–393, 416–419, 440–451, 456–457; т. 2, с. 9, 11–15, 20; т. 7, с. 84–85]. Однако не все осужденные были искренними в признании своей вины: так, Никита Добрынин не скрывал, что покаяние «было принесено имъ притворно, ради избѣжанія казни» [13, с. 449–451; 14, т. 1, с. 375–393]. Григорий Неронов, принеся покаяние собору, «на прежнія своя прелести возвратися», но вскоре снова покался. Бывший диакон Благовещенского собора Федор Иванов – духовный сын протопопа Аввакума, как и поп Никита, покался не сразу, а в ссылке в Николо-Угрешском монастыре [14, т. 1, с. 416–425]. Стойких и последовательных исповедников «старой веры» было немного. Романовский поп Лазарь, подобно Аввакуму, «не содрогнувся», стоя перед патриархами, «не токмо въ покаяніе прииде, или прощенія требова, но весь священный Соборъ укори и неправославными нарече». Не принес покаяние собору и их будущий союзник по Пустозерску Епифаний Соловецкий, а также бывший патриарший подьяк Федор Трофимов [13, с. 448, 451–452, 456–458; 14, т. 1, с. 140–141; т. 2, с. 5–7, 9–11, 16–17, 25–32, 81–82]. Возможно, не случайно анонимный автор назвал имена только двух лидеров старообрядческого движения, непохожих друг на друга в стойкости стояния за веру, но сохранивших преданность своим убеждениям, – непримиримого Аввакума и «притворного» попа Никиты, который после принародного обличения себя на паперти Успенского собора, на Лобном месте и на Красной площади и воссоединения с Церковью в ноябре 1667 г. выступил на стороне защитников «старой веры» во время стрелецкого восстания («хованщины») в 1682 г.

Другие метафоры, к которым прибегает неизвестный автор, связаны с наименованиями домашних животных, среди которых особое место занимают свинья и собака. Их образы служили обозначением отрицательных качеств людей, а в демократической среде лексемы «свинья» и «собака» и производные от них были бранными словами. В анонимном сочинении используются образы бешеных свиньи и собаки: характеристика, связанная с агрессивным поведением животных, помогает полемисту обозначить жестокость и враждебность, упорство и непримиримость противника. Образы бешеных зверей соответствуют разным стилистическим пластам средневековой культуры. Метафора бешеной свиньи восходит к книжной культуре: «Но наипаче они во злобном утверждаются намѣрени и в погибель порѣваются, яко и бѣсныя свинии в море, и злодѣйствовати не престають» (л. 463). Это сравнение своим происхождением обязано Евангелию, где рассказывается, как Иисус загонял бесов, бросившихся в воду внутри свиней на глазах у свинопасов и бесноватого (Мф. 8: 28–34; Мк. 5: 1–13; Лк. 8: 26–33).

Метафора бешеных псов, напротив, близка образности народной культуры. Выражение «бешеная собака» как ругательство употребляется в народной речи и является нарицательным выражением в ряду метафорических номинаций животного: «тожде страждут, ибо вегда отпасти им от Церкви, скрежещут на ню зубами си, яко пси беснии от ярости, яко не могут ей грызением вреда сотворити» (л. 461 об.).

Из всех анималистических образов домашних животных свинья и собака были особенно востребованы протопопом Аваакумом: «Хорошо мне жить с собаками да свиньями в конурах: так же и оне воняют, яко пес мертвой, повержен на улице града» [4, с. 66]. Собаку, учил Аваакум своих духовных чад – «горемык миленьких», можно использовать как отвлекающий прием во время принудительного общения с никонианами [4, с. 259, 260]. Сравнивая себя с собакой, а своих деток с собачками, Аваакум описывал переносимые в ссылке страдания [4, с. 30, 75, 89]; образ злого пса соответствовал жестокому облику его мучителей [4, с. 19, 51]; свиньей и собакой протопоп ругал идейных противников [4, с. 130–131, 131, 146–147, 153, 206, 218, 263, 265, 267]; бранных синонимов собаки не жалел Аваакум для своего главного врага – патриарха Никона: «адов пес», «кобель борзой», «собака Никон-еретик», «Вот собака, яко Никон, блядей сын, солгал!» и др. [4, с. 62, 126, 145, 266].

В отличие от Аваакума, другие писатели раннего периода старообрядческого движения были сдержанными в использовании зооморфных метафор; сравнений «никониан» со свиньями мне не удалось обнаружить в сочинениях Никиты Добрынина, Федора Иванова, Епифания Соловецкого, Авраамия и Лазаря. Обращаясь к образам животных, они отдавали предпочтение собаке (псу) и диким зверям – волкам, лисицам, подчеркивая соответственно жестокость и лукавство идейных врагов – патриарха Никона и его сторонников [14, т. 4, с. 230; т. 6, с. 27, 64, 71, 149, 154, 191, 197, 210, 284, 294, 311, 318, 319; т. 7, с. 34–35, 54, 62–63, 68, 71, 78, 82, 89–90, 294–295].

Характеризуя умственные способности «раскольников», не способных, как считал анонимный автор, постигнуть глубины божественных тайн и мудрость слова Священного Писания, полемист прибегает еще к одному «домашнему» анималистическому образу – мышей: «Огрызают убо они божественная писания, яко мыши, и ничто же сами себѣ и подражателем своим в таком снискании и обрѣтают полезное, но начинают пребожественное страшное и предужасное и предгрозное дѣло, еже есть выше главы своея и ума их» (л. 464). Метафорический образ-символ мыши как раз в схожем контексте, рисуя работу книжных справщиков, использовали сначала диакон Федор, потом и протопоп Аваакум. Характеризуя правку древних книг, Федор писал: «Блудять, государь, што кошки по кринкамъ, такъ нынѣшніе переправщики по книгамъ, и яко мыши огрызуютъ божественная писанія. У свѣте тихій конецъ отгрызли. Было: Сыне Божій животь дай всему міру, егоже ради весь міръ славить тя; а нынѣ: Сыне Божій животь дай, тѣмъ же міръ тя славить» [14, т. 6, с. 32–33]. А вот каламбур Аваакума: «Так-то у еретиков тех всех вымысл: верхи у Писания – тово хватают, что мыши углы у книг тех угрызают, а внутрь лежащего праведне не мало» [19, с. 17].

Для характеристики внешнего поведения защитников «старых обрядов» анонимный автор обращается к образам бесноватых и «лунатиков». В Священном Писании и в сочинениях святых отцов словом «лунатик» именовались душевнобольные люди, самочувствие которых, как считалось, зависело от состояния Луны (например: Мф. 4: 24; 17: 15). Непостоянство позиции «раскольников» сравнивается автором с природным поведением Луны во время затмения; «отступники от Православия» именуется «лунатиками», или «мысленными» «лунатиками-еретиками»: «Сицевыя измѣнники церковникъ безумными нарицаеть и лунѣ измѣняемѣй уподобляет, глаголя: безумен, яко луна измѣняется; луна, егда ю сѣнь земли обьимет, во тму прелагается. Такожде и человекы непостояннии во вѣрѣ» (л. 461).

Проповедники «странных» «научений» уподобляются и одержимым бесом, которые во время приступа теряют сознание, изменяются внешне, лишаются па-

мяти и зрения, корчатся от физической боли. В отличие от «бѣснии же тѣлесно», которые лишь на время теряют связь с реальностью, «раскольники», как показывает анонимный автор, напрочь утрачивают духовную связь с Церковью и святоотеческим учением (л. 461–461 об.), лишаются духовного слуха и духовного зрения (л. 461 об., 462). По мнению анонимного автора, поведением, способами словесного выражения своего учения и его содержанием «раскольники» напоминают одновременно и одержимых, и «лунатиков». Физически и духовно больной человек, которым предстает в произносимом патриархом Никоном поучении «еретик-раскольник», именуется «бѣснующимся лунатиком»: «Тацѣи суть вси прекословцы бѣснующимися духовнѣ и чювственно наричют, их же недугъ зависти и гнѣва и на тѣлеси знаменія свѣтло явствуются, ибо таковѣи чловѣкъ, самонѣннѣи упорствомъ объятѣи, во невѣждествѣ си обучения, то есть ненаучения, по подобству бѣснующихся, главу мечет, зубы скрежетет, во сваре любопрѣннѣи пѣны тешит, весь трясется, власи главы его же стѣют, вси уди трепещуть, множицею въздыхает и стenet, зрѣннѣи его страшно, лице тому или блѣдовельми или излише кроваво, зѣло разума мало, памяти в нем ничтоже остало. По всему таковѣи самохотнѣи есть бѣснующийся лунатикъ» (л. 462–462 об.).

Сравнение анонимным автором старообрядческого проповедника с «беснующимся лунатиком», возможно, имело реальное основание. Современникам патриарха Никона – как его единомышленникам, так и его противникам, хорошо был известен тот факт, что епископ Павел Колменский, находясь в ссылке в Хутынском монастыре, взял на себя подвиг юродства [20, с. 164]. О юродстве бывшего епископа, тяжелых условиях пребывания в ссылке и расправе с ним патриарха Никона подробно писал диакон Федор: «Павель же той блаженный епископъ началъ уродствовать Христа ради; Никонъ же увѣдавъ, и посла слугъ своихъ тамо... Они же... похвативше его, яко волцы кроткую Христову овцу, и убиша его до смерти» [14, т. 6, с. 196–197]. Лишь старообрядческое предание толкует состояние Павла как «безумие Христа ради»; остальные источники говорят о помешательстве епископа от перенесенных страданий: «прилучися архиерееви тому изумитися и погнубити бѣдному кромѣ вѣсти: отъ звѣрей ли снedenъ, или въ водѣ утопѣ» [21, с. 1096]. Из-за болезненного состояния ссыльного хутынский игумен предоставил ему свободу передвижения по монастырю и его окрестностям, которую проповедник использовал для бесед с паломниками и местными жителями, склоняя их к «древлему православию» [22, с. 29–33]. Возможно, поучения Павла в Хутынском монастыре по содержанию напоминали те, что он произносил ранее в ссылке в Палеостровской обители, где, как свидетельствуют источники, призвал: «Стойте и держите преданіе, имъ же научистесь словомъ или посланіемъ нашимъ. Въ наученіи же странна и различна не прилагайтесь» [23, с. 25–26]. Примечательно, что эти же слова апостола Павла использует в своем сочинении и анонимный полемист, когда обращается к своим слушателям – противникам «старых обрядов»: «В научения странная и различная не прилагайтесь» [Евр. 13: 9]. И паки: «Сие да не бываемъ ктому младенцы, влаеми и скитаеми всякимъ вѣтромъ учения, во лжи чловѣчестѣи, в коварствѣ козней лщения» [Еф. 4: 14]. И еще же бѣснии пѣны из устъ своих точат. Творят же тако и мысленннѣи лунатицы-еретицы и раскольницы, ибо яко пѣну скверную, хулы богомерзския на Церковь святую, на догмата ея, на священннѣи служители и на чины святыя церковныя из блядивых устенъ си испущают» (л. 461 об.).

Обличительный тон анонимного автора обращен и к той части его слушателей, которая проявила сочувствие к несогласным с литургическими нововведениями, желание понять их идеи: «Еже братія и чада прелюбезная, мнить ми ся тако о вас быти, яко нѣцѣи от нас возводяще очи си зрѣти и уши свои хотящии приклоняти ко прекословствующим и Церкви святой непокоривым противникомъ. И разсуж-

дают и глаголют о них в себѣ тако: яко аще бы сии людие не быша Богови были угодни, то не бы попустил имь Богъ толикаго многоразумѣния и глаголанія о вѣрѣ. И того ради злые дѣла их и худыя тѣх совѣты любезно хотят подражати, но премного прельщаются о сем. Сидевии нимало искуснии в письмолубительномъ разсужденіи, невѣжди, но токмо внимають малоумным их и Церкви святой во всем противным и любопрепирательным писменным снискательствам» (л. 464). По мнению автора, его современники демонстрировали нетвердость в вере, а потому, чтобы развеять их сомнения, проповедник обличает поведение старообрядческих учителей как недостойное православного христианина, используя образно-метафорические сравнения с животными (диковинными и домашними) и больными людьми.

Убеждая своих слушателей держаться в стороне от учений, далеких от догматов православной веры, автор в то же время дает противникам литургической реформы шанс на исправление путем покаяния и признания ими своих заблуждений, отдавая предпочтение церковному суду: «Но что с сидевыми есть употребительно, сии рѣч содѣятельно? Ко Христу Богу таковыя приводити достоит путем познания праваго покаяния святаго и ко пребожественным и святыим Тайнам причащения пречистаго и животворящаго Тѣла и Крови Сына Божия с поучениемъ и умолениемъ общаго нашего спасения» (л. 462 об.). Однако понимая, что не все последователи «старых обрядов» придут к покаянию, он требует для них помимо церковного наказания еще и уголовного, что соответствовало решению Собора 1667 г. [24, с. 81, 82]: «Аще ли же не обратятся, таже потом и казнением церковныя духовныя вазательныя и рѣшительныя власти с проклятием и градския казни наказанием врачевствовати нужно» (л. 462 об.).

Следующий церковный собор, начавший работу в 1681 г., постановил усилить репрессивные действия против «раскольников», находящихся на свободе. Церковь соборно просила царя Федора Алексеевича о приведении нераскаившихся еретиков к гражданскому суду: «...которые развратники и отступники, по многомъ церковномъ ученіи и наказаніи и по нашемъ архіерейскомъ прошеніи къ ихъ обращенію истиннаго покаяніа, явятся противны, святой церкви непокорны, и такихъ противниковъ указаль бы Великій Государь Царь... отсылать ко градскому же суду и по своему Государеву разсмотрѣнію, кто чего достоинъ, указъ чинить» [25, с. 111–112]. Строгость к «раскольникам» к концу 80-х гг. XVII в. усилилась. Согласно закону от 7 апреля 1685 г. («Двенадцать статей» царевны Софьи) к «расколщикам» и их пособникам применялась смертная казнь в виде сожжения живыми в срубе (кто не отказывался от своих убеждений), жестокие пытки, битье батогами, ссылка в монастыри, лишение имущества [26, с. 419–422].

Следует заметить, что эти примеры союза церковного собора и светского правителя для преодоления кризисных явлений духовной жизни России в 60–80-е гг. XVII в. и государственной политики покровительства Церкви можно поставить в один ряд с мероприятиями московских властей, направленными «на исправление церковных нравов как главного условия благоденствия страны», – внутренняя политика патриарха Филарета, деятельность кружка «ревнителей благочестия» при молодом царе Алексее Михайловиче, литургическая реформа патриарха Никона, неосуществленная церковная реформа периода царствования Федора Алексеевича [27, с. 451]. Очевидно, в анонимном сочинении отражена жесткая позиция Церкви, санкционированная соборами 1666–1667 и 1681–1682 гг., и правительства регентства (1685 г.) по отношению ко всем тем, кто вносил смуту в церковную жизнь, проявлял малейшее сочувствие к находящимся в оппозиции к Русской Православной Церкви и способствовал разрушению благоденствия страны.

Подводя итоги, заметим, что автор новонайденного сочинения был не просто знаком с полемическими трудами первых расколоучителей, но использовал в обличительном повествовании о них наиболее востребованные этими же писателями образы и сравнения, заимствуя их как на лексическом, так и на фразовом уровне. Несомненно, этот стилистический прием преследовал важную цель – расправиться с идейными оппонентами их же методами. Примечательно, что повествование о бывших единомышленниках патриарха Никона часто ведется от его лица, и из уст Никона звучат те же сравнения и метафоры, которые употребляли в своих сочинениях старообрядческие писатели в его адрес: «И азъ о сем, Никон, Божию милостию патриархъ, тако да возглаголю к вам: есть убо и в них, противобогборниках злых, ревность, воеже бы вѣдети имъ тайны Божиа, но не суть тако та по разуму их!.. Но не прельщайтесь, братие, малопривременнымъ и легкомыслынымъ их мудрованием, невѣждественнымъ и богоборнымъ. Вскорѣ убо погибель их и исчезновение настоитъ отвсюду» (л. 464).

Метафоры-символы и сравнения, используемые анонимным автором для характеристики «раскольников», сближают его повествование одновременно с традициями книжной и народной словесной культуры. Прекрасно ориентируясь в Священном Писании и сочинениях святых отцов, будучи начитан в трудах идейных противников патриарха Никона – первых расколоучителей, неизвестный автор старался совместить в повествовании разные стилистические слои: выдерживая книжный характер изложения, он включал в речь (в том числе и патриарха Никона) народное слово, делая доступным и доходчивым изложение сложных и не всегда понятных широкой массе слушателей богословских тем, обрядовых и вероучительных истин. В борьбе за единство Церкви и чистоту православного вероучения непримиримые идейные противники – бывшие единомышленники – первые расколоучители и патриарх Никон, применяли одни и те же полемические приемы, что подтверждает высказанный в свое время Е. К. Ромодановской тезис о том, что старообрядческих писателей и патриарха Никона сближали «единство художественной системы» и «общность правил творчества».

Список литературы

1. *Поньрко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. – ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 58–69.
2. *Морохин А. В.* Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь и начальная деятельность «ревнителей древнего благочестия» // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 300–309.
3. *Ромодановская Е. К.* Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 58–64.
4. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. СПб.: Азбука-классика, 2010. 384 с.
5. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев посад, 1909. Т. 1. 533 с.
6. *Румянцева В. С.* Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. М.: Институт российской истории РАН, 2010. 256 с.
7. *Морохин А. В.* К истории нижегородского круга знакомств патриарха Никона // Человек верующий в культуре Древней Руси: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Т. В. Чумакова. СПб.: Лемма, 2005. С. 83–87.
8. Скрижаль. М.: Печ. дв., 1655–1656.

9. *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты / Под ред. Е. К. Ромодановской. М.: Индрик, 2007. 776 с.

10. *Агеева Е. А., Юхименко Е. М.* Добрынин // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. 15: Димитрий – Дополнения к «Актам историческим». С. 514–516.

11. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князь Мышецкий). М., 1906. 285 с.

12. *Белянкин Ю. С.* Церковь и государство в полемике со старообрядцами во второй половине XVII в. (на примере деятельности Московского Печатного двора): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2012. 30 с.

13. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1853. Т. 5. Прибавления. № 102: 1666–1667. 535 с.

14. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. 500 с.; М., 1876. Т. 2. 446 с.; М., 1878. Т. 4. 354 с.; М., 1881. Т. 6, ч. 3. 364 с.; М., 1885. Т. 7. 466 с.; М., 1895. Т. 9. 308 с.

15. *Киселева М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс – Традиция, 2011. 472 с.

16. *Буланин Д. М.* «Физиолог» и «Сокровище» Дамаскина Студита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 154–156.

17. *Белова О. В.* Малоизученный памятник «Собрание о неких собствах естества животных» Дамаскина Студита в славянской рукописной традиции: к проблеме рецепции греческого текста в книжности восточных и южных славян // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов: XII Международный съезд славистов (Краков, 1998). Доклады российской делегации. М., 1998. С. 82–91.

18. *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991. 465 с.

19. *Титова Л. В.* Дьякон Федор и народная культура // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2009. № 3. С. 14–19.

20. *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. М.: Мартис, 2000. Т. 8: Святыне Древней Руси / Сост., примеч. С. С. Бычков. 268 с.

21. Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по офиц. документам Н. Гиббенет. СПб., 1884. Ч. 2. 1153 с.

22. *Урушев Д. А.* К биографии епископа Павла Коломенского // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2004. Вып. 3. С. 29–33.

23. *Белокуров С. А.* Сказания о Павле, епископе Коломенском. М.: Имп. ОИДР, 1905. Вып. 1. 38 с.

24. Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М.: Братство св. Петра митрополита, 1893. 364 с.

25. Акты исторические. СПб., 1842. Т. 5: 1676–1700. № 75. 568 с.

26. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской АН. СПб., 1836. Т. 4: 1645–1700. № 284. 658 с.

27. *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.

S. K. Sevastianova

Novosibirsk, Russian Federation

**ANCIENT PIETY ZEALOTS THEME
IN THE NEWLY DISCOVERED WRITINGS
ON PATRIARCH NIKON**

Summary: The article analyzes the polemical techniques by writers of the Old Believers early period such as archpriest Avvakum, priest Nikita Dobrynin and other members of the ancient piety zealots «circle». At the end of the XVII century the anonymous author of the newly discovered writings on Patriarch Nikon uses these techniques to decorate a polemical speech of Nikon to the Old Believer leaders and their supporters. Zoomorphic images (pig, dog, mice) and comparing opponents with demoniac and «lunatics», which were characteristic to the creativity of writers the Old Believers early period, not only beautify polemical speech of Patriarch Nikon, but also showed the unity of writers' art system. In the accusatory narrative about the first teachers the author used the most popular images and comparisons by these writers, borrowing them at the lexical and phrasal levels. This stylistic method had the important purpose to defeat ideological opponents by their methods.

Keywords: newly discovered writings on Patriarch Nikon, Patriarch Nikon, ancient piety zealots, archpriest Avvakum, priest Nikita Dobrynin, the unity of the art system, zoomorphic images and comparisons.

Sevastianova Svetlana K. – PhD, Associate Professor, Leading Researcher of Literary Studies Section of Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolayeva Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation, sevask@mail.ru)